

Глава 84. Ну и что, что храмовая проститутка? (20)

На этот раз уже сам Ли Вэй надолго завис с ответом. Французский он знал: это был один из немногих иностранных языков, которыми он действительно владел свободно. К тому же Je t'aime — фраза базовее некуда.

Но спустя некоторое время он, к полному изумлению Дрейтона, не обрадовался и не смутился, а понимающе сказал:

— А, точно. Я чуть не забыл, что на тебя действует проклятие.

Погодите... что?

Дрейтон мгновенно выпалил:

— При чём здесь проклятие?

Ли Вэй как ни в чём не бывало повесил на шею цепочку, которую Дрейтон только что ему дал, и терпеливо объяснил:

— Ты сейчас хоть немного пришёл в себя? С твоей силой воли ты, наверное, мог бы хоть немного посопротивляться. (Дрейтон:?) В общем, главное — чтобы ты понимал, что я говорю. Мы сейчас находимся в одном из Потусторонних миров, и особенность этого Потустороннего мира...

Он огляделся по сторонам, убедился, что никто не собирается прямо сейчас на него набрасываться и похищать, и продолжил:

— ...в том, что любой, кто знает о Чёрном песке и хочет его заполучить, будет затягиваться всё глубже. Сначала я увидел фотографию, которую мне прислал АЗ, — ту самую, где бедуин умирает в Саду чудес, — и первой мыслью было: они посыпали нефть золотой фольгой. Я ещё успел подумать, что местная мафия, оказывается, не без художественной жилки.

— Потом я сам увидел труп и всё равно не заметил ничего явно ненормального. Но из-за того, как АЗ и Самир аль-Мактум темнили и недоговаривали, я заподозрил, что с телом всё-таки что-то не так, пока...

Чтобы доказать, что он находится в полном сознании, Дрейтон быстро подхватил:

— Пока охранник не вошёл в морг и не вступил с тобой в конфликт.

— Да. Он вошёл в морг, сцепился со мной, и во время этой потасовки труп ожил, — сказал Ли Вэй. — Из-за этого совпадения я тогда решил, что Чёрный песок и живые мертвецы действительно существуют. Но лишь недавно до меня дошло: а что, если всё случилось потому, что охранник где-то услышал тайну Чёрного песка? Окажись я там один, возможно, труп никогда бы не превратился в зомби.

Мысль разворачивалась слишком быстро, и Дрейтон на секунду подвис. Потом медленно спросил:

— Ты хочешь сказать, что некий... эффект активируется только у тех, кто знает о существовании Чёрного песка?

Ли Вэй поправил его:

— Не «эффект» — воображение. Я подозреваю, что перед нами грандиозная коллективная галлюцинация. Люди, верящие в Чёрный песок, ведут себя как суеверные фанатики: они принимают любое случайное, никак не связанное событие из своей жизни за доказательство его существования. А после появления Потустороннего мира они всё глубже тонут в своих галлюцинациях и заодно начинают «проповедовать» окружающим, втягивая в это всё больше и больше людей... Но никаких богов и никакого Чёрного песка не существует.

Дрейтон явно хотел что-то возразить, но Ли Вэй не дал ему вставить ни слова:

— Давай объясню подробнее. Для начала примем одну предпосылку.

— Когда-то Самир аль-Мактум вообще ничего не встретил в пустыне. В конце концов, тогда Потусторонний мир ещё не появился, не существовало никакого Белого верблюда под солнцем и никакого совета Чёрного песка, где убили верблюда и расчленили бога. Они чудом выжили в песчаной буре, но буйная сила природы потрясла их настолько, что рассудок дал трещину.

Людам, всю жизнь прожившим в городах-крепостях, трудно представить себе, насколько чудовищна мощь природы и каким бывает ужас на грани жизни и смерти. Отзвук того колокольного звона, который прогремел в самой глубине души, не давал Самиру аль-Мактуму и остальным покоя. И тогда они выдумали целое чудо, чтобы убедить себя: они всё ещё живы.

Был и другой вариант. Вернувшись домой после катастрофы в жалком виде, Самир не смог бы объяснить братьям и сёстрам, и без того смотревшим на него свысока, почему он столько старался — и ничего не добился. Поэтому он попытался сочинить историю с мифическим, почти божественным оттенком. Тогда он уже был не «человеком, который не довёл дело до конца и бесславно вернулся, провалив попытку разведать контрабандный маршрут», а «тем, кто в пути встретил знамение от бога».

Как бы там ни было, история, состряпанная Самиром, неожиданно сработала. Он и сам почерпнул из неё смелость и уверенность. Как говорится, если сто раз повторить ложь, она станет правдой. В конце концов, возможно, даже Самир сам поверил, что тогда и правда произошло чудо.

А почему Чёрный песок — по сути обычный песок, пропитанный верблюжьей кровью, — выглядит как нефть...

— Скорее всего, потому, что у человека, помогавшего Самиру доводить эту историю, под рукой как раз была нефть.

Так сказал Ли Вэй.

— Нефть на Ближнем Востоке — вещь ценная и символическая. А Самир ещё и до золота безумно падок. Так что его подчинённый, видимо, подумал-подумал и решил соединить эти два образа вместе. Так и получился Чёрный песок.

А потом этот сообразительный и расторопный подчинённый, конечно же, умер.

Позже даже самые близкие к Самиру люди знали только то, что однажды он собственными руками задушил слугу и закопал его тело в жёлтом песке, пропитанном чёрной верблюжьей кровью. Но погибший, скорее всего, был не слугой, а тем самым несчастным, который помогал ему сочинять миф.

Этот человек стал первой жертвой Чёрного песка, которого никогда не существовало. А после

него по тем же следам пошли бесчисленные другие.

Чёрный песок — вещь, которой нет и никогда не было, — сначала стал наследием бога, а затем превратился в ящик Пандоры.

Торговец оружием тоже внёс выдающийся вклад в создание этого ящика.

Он убил свою жену и позволил её телу гнить на кровати, но при этом упрямо твердил, будто это было верблюжье мясо. Проблема в том, что и в его версии были дыры. Он рассказывал: «На гниющей плоти вздувались и ползали личинки, а между обломками костей тянулась полупрозрачная слизь». Но, согласно легенде, кости верблюда достались торговцу людьми. Откуда же у оружейного торговца взялись «обломки костей»?

Так что приходится признать: из всей этой шайки Самир аль-Мактум и правда оказался самым умным.

Но после появления Потустороннего мира всё изменилось.

Изначально Чёрный песок был абсолютно вымышленным. Однако Потусторонний мир, опираясь на людские рассказы, воображение и веру, создал коллективную галлюцинацию, которую почти невозможно отличить от реальности. Каждый, кто хотя бы слышал о Чёрном песке или ждал увидеть нечто необычное, попав в Потусторонний мир, начинал видеть одну и ту же картину.

Вот почему даже разумному человеку так трудно выбраться из воронки этого ящика Пандоры. Ли Вэй своими глазами видел, как труп встал и укусил охранника. Сразу после этого АЗ, убедившись, что на теле охранника есть рана, застрелил его. Хотя вполне возможно, раны вовсе не было — всем троим только казалось, что она есть.

Когда Самир аль-Мактум узнал, что Чёрный песок якобы умеет поднимать мёртвых, он пришёл в восторг и решил, что многолетние усилия наконец дали плоды. Хотя со стороны трудно найти хоть одно его усилие, в котором он не вёл бы себя как подонок.

С тех пор он перестал бояться ответного удара бедуинов и переключился на подготовку войны.

Даже чиновники ЦРУ в самой Федерации и случайный инженер-бедуин, оказавшийся рядом, не избежали этой заразы. Первые Чёрного песка никогда не видели, но из доверия к собственному агенту и зависти к отделу Дрейтона стали одними из его самых убеждённых последователей. А бедуин-инженер, как тысячи измученных учёных, всего лишь мечтал опубликоваться в топовом журнале... и в какой-то момент ему привиделась текущая по трубам чёрная вязкая жидкость.

В итоге Ли Вэй наконец связал всё вместе. Сам он Чёрного песка не жаждал и поэтому сумел сравнительно легко выбраться из коллективной галлюцинации. Те несколько наёмников вообще ничего о нём не знали, так что они не видели никаких живых мертвецов, нападающих на людей, а видели лишь голодных диких волков. Зато инженер-бедуин смотрел на всё это совсем иначе.

В целом это предположение почти всё объясняет. Хотя несколько деталей ещё требовали разбора.

Во-первых, Судья.

Ли Вэй и приехал в пустыню ради Судьи — чтобы попросить его снять проклятие. Вождь бедуинского племени сказала ему, что в 2018 году Судья сам пришёл к совету Чёрного песка. Но если всё, связанное с Белым верблюдом, изначально было фикцией, то зачем он вообще стал Судьёй? И что он забрал у торговца людьми вместо верблюжьих костей?

Сейчас Ли Вэй подозревал, что Судья — это Райнер Ливиус. Поэтому ему было мучительно тяжело даже думать о всём, что связано с Судьёй. К тому же он ещё не успел рассказать об этом Дрейтону.

Во-вторых, сам Дрейтон. На него, похоже, Чёрный песок не подействовал никак. А ведь невозможно всерьёз утверждать, что такой политик, как он, занимавшийся всей этой темой, совсем не хотел бы получить Чёрный песок. Ли Вэй предполагал, что всему виной проклятие уродливого кота: оно оказалось сильнее и заняло все его мысли и весь мозг целиком.

* * *

«Чёрного песка не существует» — догадка была серьёзная. Однако Дрейтон немного подумал и ответил совсем не о том:

— Но бог всё-таки существует.

Он, конечно, зацепился за фразу Ли Вэя: «ни богов, ни Чёрного песка не существует».

Ли Вэй: «...»

Ли Вэй: «Я говорил не о боге Потустороннего мира. Что с тобой вообще? Ты всё ещё не пришёл в себя?»

Не то чтобы не пришёл в себя. Он просто никак не мог простить Ли Вэю, что тот взял и проигнорировал его признание.

Дрейтон с каменным лицом остановил движение Ли Вэя, который уже собирался прикрыть лицо салфеткой, и сказал:

— Я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Чем сильнее человек верит в чудо, тем больше чудес он видит.

Так он сказал.

— Но Чёрный песок нельзя назвать чудом. Скорее, это дьявол. Или, точнее, дьяволом являются человеческие желания. АЗ пошёл связываться с ЦРУ. Мне нужно уведомить Федерацию и не дать им сделать какую-нибудь глупость, иначе завтра с утра мы окажемся международным посмешищем в главных новостях.

«Особая федеративная галлюцинация: поверили, что в ближневосточном Потустороннем мире тоже есть нефть, послали войска и не нашли ничего».

Если задуматься, звучит довольно адски.

Ли Вэй не удержался и тихо хихикнул.

Дрейтон разозлился ещё сильнее.

Холодно взглянув на него, он сказал:

— Чтобы сохранить ясность ума и вовремя оценить глубину твоих гениальных умозаключений, я пойду работать. А ты оставайся здесь и делай что хочешь.

Ли Вэй: «?»

Он не понял, с чего Дрейтон вспылел, и возразил:

— Я тоже собираюсь работать. Мне ещё нужно встретиться с Самиром аль-Мактумом и решить проблему Потустороннего мира у самого источника.

Дрейтон, уже шагнувший вперёд, резко остановился и обернулся:

— Это опасно?

— Да вроде не особо, — сказал Ли Вэй. — Если ты боишься, что проклятие на мне снова подействует на тебя, я могу вернуться попозже.

Кулак Дрейтона внезапно сжался так, что костяшки побелели.

Он изо всех сил попытался успокоить себя, напоминая, что сейчас не время, и довольно бессильно сказал:

— Нет. Тебе нужно вернуться пораньше. Я хотел тебе кое-что... ладно, забудь. Как только увидишься с Самиром, сразу же иди ко мне... Нет, тоже не то. Я сейчас закончу звонок домой и сам к тебе приду. Стой на месте и жди меня. И не смей никуда уходить!

К концу он уже почти сорвался на крик. Даже когда он шёл по песку, его шаги были такими тяжёлыми, что от кожаных туфель раздавалось глухой отзвук. А когда он отошёл довольно далеко, Ли Вэй, так ничего и не поняв, спросил у стоявшего рядом прохожего:

— Почему он перестал поддаваться проклятию и начал на меня злиться? Неужели стальная сила воли действительно может до такого довести?

Прохожий, которого проклятие по-прежнему держало в железной хватке: ...

Не знаю. Не спрашивай. Я тут пока слюни пускаю.